

НЕ ВСЕ ТАК ПРОСТО З ТИМИ УКРАЇНЦЯМИ...

Переиначивая шутовское высказывание Пьера Даниноса¹ о французах, можно сказать, что Украина разделена на 46929,5 тысяч украинцев. Украинская научная литература изобилует доказательствами оригинальности и неповторимости каждого региона, уникальности его исторической судьбы и ментальности. Политический дискурс, наполненный противопоставлениями, тиражирует страхи перед возможными столкновениями и будто бы неизбежным распадом Украины на отдельные части. Но все это, к счастью, остается лишь политической риторикой, между тем как страна, несмотря на все кризисы и потрясения, сохраняет свою целостность и даже в случаях глубоких электоральных расколов избегает вооруженных столкновений.

Что же удерживает столь непохожих друг на друга граждан Украины в едином государственно-политическом пространстве, почему оказывается невозможной победа какой-либо одной политической силы и наиболее результативным оказывается путь компромиссов? Пожалуй, на эти вопросы лучше всего может ответить само общество.

С этой точки зрения, весьма интересными оказались результаты социологического опроса «Львов-Донецк: социологический анализ групповых идентичностей и иерархий социальных лояльностей»², проведенного в период максимального политического накала в Украине – до и во время президентских выборов 2004 года, в момент, когда политическая ситуация в стране мощно катализировала процесс политической идентификации, способствовала осознанию и публичной вербализации множества проблем, социальных установок, возможных сценариев будущего развития.

Одним из главных результатов этого исследования стало то, что у опрошенных жителей Донецка доминирует региональная идентичность, тогда как у жителей Львова первое место заняла идентичность национальная. География опроса была определена не случайно – в современной украинской политике нередко звучат слова о «двух Украинах» (восточной и западной), о глубоких различиях в их исторических судьбах, языке, ментальности, уровне экономического развития и т.д.

¹ Данинос П. Записки майора Томпсона. М., 1970. С.38

² Опрос проводился Институтом исторических исследований, кафедрой истории и теории социологии Львовского национального университета имени Ивана Франка при содействии Института социальных исследований Мичиганского университета (США) и Донецкого отделения Социологической ассоциации Украины в ноябре-декабре 2006 года.

Вряд ли, однако, Донецк уникален в названном отношении – в определенной мере региональная автаркия характерна и для других областей Украины³. Скорее, Донецкий регион представляет собой один из типов территориально-демографических конструктов, существующих в современной Украине, и в этом качестве вносит свою лепту в то сложное политическое целое, которое различные политические силы столь успешно используют для реализации собственных амбиций. Как бы то ни было, этот регион оказался «знаковым» в череде событий последних лет и потому привлекает к себе особое внимание.

Политическая кампания 2004 года во многом была построена на бинарных оппозициях: Восточная Украина противопоставлялась Западной как два полюса, расколовших общество; акцентировалось внимание на противостоянии русско- и украиноязычных граждан, проводилась резкая черта между западной и восточной внешнеполитической ориентацией, между протестным и лояльным, либеральным и «авторитарным», правым и левым электоратом и т.д. Особенно интересным оказалось то, как политическая риторика преломляется в сознании рядового жителя региона, в какой степени политические мифы, стереотипы и ярлыки («донецкие», «бандеровцы» и проч.) влияют на политическое поведение людей, сказываются на их выборе.

Одной из проблем, переживающих перманентные обострения в Украине, является *языковая проблема*. Язык – весомый фактор построения идентичности, особенно в Украине, где позиционирование по принципу «мы – они» осложняется разностью языков общения. Можно констатировать, что сегодня в Украине не предложено приемлемого для всех решения языковой проблемы, именно поэтому она становится удобным инструментом влияния на потенциальный электорат.

И дело здесь не только в лингвистической эмпирике: язык составляет неотъемлемую часть разных сценариев национально-политического развития. Трудно не согласиться с известным украинским историком Я. Грицаком, по мнению которого острота ситуации вызвана тем, что украиноязычные интеллектуалы в большинстве случаев выступают сторонниками языковой, а не политической украинизации, что оказывается неприемлемым как для Донбасса в частности, так и для русскоязычных

³ Лупацій В. Моделі реінтеграції українського суспільства (Центр соціальних досліджень "Софія") / <http://www.ucipr.kiev.ua/modules.php?op=modload&name=News&file=index&catid=&topic=5&allstories=1> .

граждан востока и юга Украины в целом⁴. С другой стороны, украиноязычный Запад настороженно относится к возможному введению официального «двуязычия» из-за специфической его трактовки жителями восточных регионов, где двуязычие в большинстве случаев понимается не как необходимость знать оба государственных языка, а как возможность продолжать говорить только на своем родном.

Взаимные опасения по данному поводу существенно усугубляются политической риторикой. Если верить предвыборной мифологии, Западная Украина выступает за создание гомогенной украиноязычной среды, а Восточная предлагает довольно специфический сценарий сохранения мультикультурности, но на основе русского языка.

Полиэтничность Восточной Украины, и прежде всего Донбасса, имеет глубокие исторические корни. Развитие промышленности в этом регионе требовало привлечения рабочей силы. Этим было вызвано как стихийное, так и плановое перемещение в регион работников с территории всей Российской империи, а со временем – и всей советской территории. Перемешивание в «великой кочегарке» разных национальностей, вер и конфессий делало невозможным здесь выстраивание идентичности на этнической основе. Вместе с тем довольно удобным оказался идеологический конструкт, создававший определенное единство на основе пролетарской принадлежности, интернационализма, русского языка (как языка интернационального общения в Донбассе) и атеистичности (атеизма). Благодаря такому смешению формировалось толерантное отношение к ближнему, терпимость по отношению к чужим идеям, моделям поведения, персональному выбору каждого, закреплялся здоровый прагматизм. Эта модель идентификации предусматривала воспитание в человеке гордости за свой край, свою малую родину, чувство собственной значимости для всей страны, уважение к человеку труда – металлургу, шахтеру и т.д., героизацию трудовых будней. Этот регион, названием которого служит геологический термин, условно обозначавший границы каменноугольного бассейна (и существующий только в сознании людей, так как не закреплен никакими юридическими документами), продолжает воспринимать себя как целостное единое образование, наделенное особой судьбой, различимой на фоне сменяющихся политических контекстов.

Однако, несмотря на доминирование региональной идентичности, большинство дончан не теряет ощущения принадлежности к стране в целом, при этом разница между

⁴ Грицак Я. Про відповідальність та безвідповідальність українських інтелектуалів / Доповідь на міжнародній конференції пам'яті Єжи Гедройця «Європа – минуле і майбутнє. Візії та ревізії», Київ, 24-26 листопада 2006 р. (В печати.)

понятиями «украинец» и «гражданин Украины» остается для них актуальной. Находясь в едином политическом пространстве, и этот регион постепенно украинизируется (правда, гораздо медленнее, чем хотелось бы украиноязычной элите). Население с пониманием относится к требованию знать украинский язык, но не испытывает особой мотивации к его изучению, так как в публичной сфере региона он оказывается не особо востребованным. Число школьников, проходящих обучение на украинском языке, заметно увеличилось: с 3% в 1991 до 32,9% в 2006 году (при этом удельный вес обучающихся на государственном языке в начальных классах выше; если в старших классах этот показатель составляет сейчас 23,8%, то среди первоклассников – 48,2%⁵). Однако этот количественный рост не приносит заметных качественных изменений: в среде украинского языка учащиеся находятся лишь на уроках, после школы они сразу попадают в русскоязычное окружение.

На самоидентификацию дончан, а также их политические позиции существенно влияет еще один языковой фактор. Это специфическое произношение русскоязычных жителей Украины, которое делает их «не своими» как для россиян, которые сразу же узнают «малороссийский акцент», так и для украиноязычных жителей Западной Украины, которые считают язык «схидняков» в лучшем случае суржиком. Все это создает условия для осознания ими себя отдельной группой, для выстраивания региональной идентичности. И поскольку языковой признак в значительной степени определяет границу между «мы» и «они», то и сохранение языка понимается как сохранение самих себя. С тем, что русский язык должен быть вторым государственным в Украине, «полностью согласны» 75,3% респондентов, и «скорее согласны» 14,9%, что вместе составляет 90,2%. Это делает объяснимым выбор жителями Восточной Украины кандидатуры В. Януковича, в предвыборной программе которого был заложен пункт относительно двуязычия.

Нередко говорят о стойкой *ориентации населения Западной Украины на Европу, а Восточной Украины – на Россию*, объясняя это особой исторической судьбой данных регионов. Акцентирование этой ориентации и использование ее в предвыборных программах кандидатов на должность президента или депутата Верховной Рады существенно влияет на выбор людей. Однако применительно к Донецку, во всяком случае, эта схема выглядит чересчур упрощенной и не вполне адекватной.

⁵ Білецький В.С. Мовно-культурне поле Східної України. Донецьк: Український культурологічний центр, Донецьке відділення НТШ, 2006. С. 24; Сайт головного управління статистики в Донецькій області / Школа и школьники / <http://donetskstat.gov.ua/pres/presreliz.php?dn=1106&number=9>

У респондентов в Донецке спрашивали «Что именно в предвыборной кампании имело решающее влияние на ваш выбор?». Поскольку ответ на этот вопрос предполагался открытым, это давало человеку более удобную возможность указать то, что для него субъективно было самым значимым. Из 323 респондентов, которые отдали голоса за В. Януковича (а они составляют 95,6% от тех, кто ответил на этот вопрос) 228 прокомментировали свой выбор. Всего было сделано 318 реплик-объяснений, среди которых только в 5 (1,3%) случаях выбор кандидатуры В. Януковича объясняется потенциально возможным сотрудничеством, дружбой и ориентацией на Россию, и лишь в одном случае (0,3%) – возможным союзом с Россией. Только две реплики в качестве мотивации избрания указанного кандидата затрагивали введение русского языка в качестве второго государственного. В целом, из 323 респондентов только 7 (2,2%) при объяснении собственного выбора говорили о России, отношениях с ней и о статусе русского языка. Из них трое назвали себя украинцами, двое – россиянами, и двое продемонстрировали двойную идентичность – «украинец-советский человек», «россиянин-советский человек».

Фокус-групповые дискуссии, проведенные в апреле 2005 года в Донецке, также продемонстрировали, что в условиях, когда человеку предлагается самому перечислить проблемы, которые более всего беспокоят жителей региона, тема отношений с Россией по-разному затрагивается разными возрастными группами. О необходимости союза с Россией говорили только представители старшего возрастного контингента, в то время как среднее поколение продемонстрировало здоровый прагматизм, указав, что Украина должна поддерживать отношения как с Западом, так с Россией. Молодежная аудитория вообще не назвала эту проблему в своем перечне.

Однако все это не означает, что население Восточной Украины отказалось от традиционной ориентации на Россию и постсоветское пространство, поскольку 60% опрошенных респондентов «целиком поддерживают» вхождение в единое экономическое пространство с Россией, Беларуссией и Казахстаном, 31,6% – «скорее поддерживают, чем отвергают», 6,7% – «скорее отвергают, чем поддерживают» и лишь 1,3% – «полностью отвергают». Подавляющее большинство опрошенных (87,2%) считают, что безопасность Украины обусловлена желательной связью с Россией и странами СНГ.

Как видим, общий характер ответов на вопросы касательно отношения к России и русскому языку существенно меняется в зависимости от того, в какой форме они задаются: в открытой или закрытой. Этот видимый контраст, по всей вероятности, можно

объяснить тем, что с региональных позиций контакты с Россией воспринимаются как нечто положительное и в этом качестве не подлежащее рефлексии: если респонденту в явной форме предлагается выразить свое отношение к данной проблеме, он это делает, если не предлагается – оставляет ее «за скобками».

Подобную внешнеполитическую ориентацию жители Восточной Украины считают чем-то само собой разумеющимся, но при этом «схидняки» в большинстве своем уже не воспринимают себя частью русского и постсоветского государственно-политического пространства: 74,2% респондентов считают, что их регион имеет общую судьбу со всей Украиной, для 73% опрошенных целостность Украины важнее, чем потребности отдельных регионов. В какой-то мере подобная ситуация указывает на маргинальное состояние жителей региона, которые одновременно чувствуют себя и неотъемлемой частью украинского политического пространства и в то же время не теряют чувство «общей судьбы» с Россией.

Таким образом, жители Восточной Украины считают Россию и страны СНГ геостратегическими союзниками, однако сама территория Восточной Украины мыслится ими двояко: и как часть украинского государственного пространства, которая имеет общую со всей Украиной историческую судьбу и репрезентирует себя на международной арене через политику государственной власти, – и как особая территория со своей судьбой и политической позицией. В этой связи хотелось бы привести меткое наблюдение Я. Грицака, что «спецификой пост-коммунистической Украины была и остается ее амбивалентность. Если бы сегодня проводился референдум о вступлении Украины в “восточнославянский союз” белоруссов, россиян и украинцев или о вступлении в Евросоюз, то каждый из этих референдумов – судя по данным социологических исследований – имел бы положительный результат»⁶.

Далее, несмотря на стойкие революционные традиции в восточном регионе Украины, современный Донбасс демонстрирует низкий уровень участия в *протестных действиях*. Основные формы протестного поведения – это подписание петиций, обращений, участие в митингах, демонстрациях, забастовках, захват зданий и т.д. Принято считать, что протестная активность повышается в условиях неудовлетворенности качеством жизни, невозможности реализовать собственные интересы. Следует, однако, отметить, что даже при значительной социальной неудовлетворенности уровень протестного поведения не будет высоким, если люди не верят в эффективность и

⁶ Грицак Я. Про відповідальність...

результативность своего протеста⁷. Во время сложной для региона президентской кампании 2004 года 84,4% опрошенных никогда не вывешивали плакаты, не распространяли листовок; 86,7% – никогда не подписывали обращений и петиций; 91% – не распространяли листовок в поддержку своего кандидата на выборах; 90,2% – не объединяли свои усилия с организацией или инициативной группой; 64,1% – не принимали участия в массовых митингах и демонстрациях; 93,2% – не принимали участия в забастовках. Это позволяет утверждать, что протестный потенциал региона оказался довольно низким и страхи по его поводу были одной из мифологем предвыборной кампании. А формула, выдвинутая партией регионов: «Пока вы там митингуете на площади, мы здесь работаем», была скорее попыткой завуалировать этот низкий протестный потенциал, обосновать неготовность региона активно стать на защиту своего выбора. Низкая активность протестного поведения в определенной степени обусловлена типом политической культуры, которая складывалась на протяжении советского периода, когда протестные действия носили декоративный характер, а реальный протест был не только неэффективным, но и опасным. Это привело к перенаправлению протестной активности на конвенционные формы политического поведения: голосование «против всех» или за кандидата, выбранного по принципу «лишь бы не тот».

Для данного региона характерна также склонность к *авторитарному типу управления*, с которым общественное сознание связывает стабильность, упорядоченность общественных отношений. Население Восточной Украины в большей мере находилось в сфере влияния советской политической культуры, характерными чертами которой являются коллективизм, относительно высокая зависимость от власти и ее политического курса (и особенно от социальной политики – социальных выплат, поддержки малообеспеченных и т.д.). Долгосрочное доминирование в регионе советской авторитарной модели и закрепление традиций подчинения власти сформировало у населения определенный тип политической культуры. Именно поэтому «понятный», «простой», «свой», «из наших, из рабочих», «внешне представительный», «способный навести порядок» В. Янукович оказался более близким к представлениям избирателей относительно качеств возможного лидера в сравнении с его конкурентом В. Ющенко, в имиджевом конструкте которого постоянно делался акцент на его политическом либерализме.

⁷ Білецький В.С. Мовно-культурне поле...

Что касается электорального раскола по линии «правый» – «левый», то президентские выборы не стали в этом отношении исключением, хотя ни один из кандидатов прямо не позиционировал себя с первыми или вторыми. Характерным для Украины является тяготение западных регионов к правым силам, а восточных – к левым. По статистике результатов выборов, «...В. Янукович был наиболее популярным на территориях, где ранее максимальные показатели получали левые радикалы, а В. Ющенко – на территориях, на которых традиционно голосуют за консервативных правых»⁸.

С социально-психологической точки зрения, политический выбор человека формируется его отношением к трем элементам политического процесса: кандидатам, политическим курсам и связям между определенными политическими силами и социальными группами.

Если рассмотреть политические предпочтения жителей донецкого региона, в большинстве своем поддержавших кандидатуру В. Януковича, то из всех реплик-мотиваций его избрания (228 человек ответили на вопрос и в 318 репликах прокомментировали свой выбор), большая часть затрагивала прежде всего *личность кандидата* (39,4%). В поле внимания респондентов попали его черты характера и личностные качества (характеризовался как честный, лояльный, умный, сильный, молодой, прогрессивный, сдержанный, человек дела, здоровый и т.д.), его реальные дела, связанные с ним ожидания («с ним будет хорошо», «я доверяю ему», «я надеюсь на него», «он защитит нас» и т.д.), деловые качества («прирожденный хозяин», «настоящий руководитель»). Весомую группу в этой категории составляют реплики протестного характера (поддержка В. Януковича объясняется тем, что «он не В. Ющенко и не входит в его окружение»).

Следующая группа реплик свидетельствует о том, что выбор дончан имел социотропно-ретроспективный характер⁹, опосредованно связанный с кандидатурой В. Януковича. Социотропность проявилась в том, что значительная часть респондентов отметила стабилизацию экономики страны, улучшение материального положения общества в целом и отдельных категорий населения, а не акцентировала внимание на личном материальном положении (как при эгоцентрической модели). Ретроспективный

⁸ Черкашин К.В. Электоральна поведінка населення незалежної України в регіональних зрізах: Дис... канд. політичних наук: 23.00.02 / Таврійський національний університет ім. В.І.Вернадського, 2005. С.14.

⁹ Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: Сб. учебн. материалов / Под ред. Мелешкиной Э.Ю. М., 2001. С.177-178.

характер проявился в склонности респондентов апеллировать к предыдущей деятельности В. Януковича в качестве премьера, уже имеющимся результатам его деятельности, тогда как о предполагаемой работе властей в будущем (как при перспективном голосовании) замечаний высказывалось меньше. В целом реплики этого типа составляют 29,5% от всех имеющихся.

Политическая программа и будущий политический курс кандидата заинтересовали лишь 12 респондентов, 9 человек сделали свой выбор под влиянием политической кампании В. Януковича. Реплики этого типа составляют лишь 6,9% от всего количества комментариев по поводу избрания «своего» кандидата. Вообще говоря это свидетельствует об ослаблении партийной идентификации, о повышении роли краткосрочных факторов (таких, как имидж кандидата) предвыборного процесса. Это уже не новое явление в политике. По мнению российской исследовательницы С. Н. Пшизовой, оно вызвано процессами маркетизации, коммерциализации и профессионализации политической деятельности. По ее утверждению, проникновение рыночных механизмов в политическую сферу кардинально изменило характер отношений между избирателями, членами партий, их руководящей верхушкой и отдельными политическими лидерами. Прежде существование массовых политических партий обеспечивалось регулярной уплатой членских взносов. В наше время это становится невозможным, так как рост числа политических партий влечет за собой сокращение числа их реальных членов, кроме того, значительно дорожает рынок политических услуг. В этих условиях рядовые члены имеют все меньше возможностей влиять на политический курс партии, вместе с тем стремительно растет роль «бизнесменов» от политики, которые способны найти источники финансирования своей политической деятельности. Создавая свой имидж с помощью современных технологических средств, максимально используя возможности СМИ, такие политики получают доступ к широкой аудитории избирателей, активно влияют на общественное сознание и властный курс и тем самым становятся все более привлекательным объектом инвестиций¹⁰. Этот механизм сработал и на президентских выборах в Украине, когда основной упор был сделан на имидж кандидатов, а не партий или коалиций, которые они представляли.

И наконец, группа реплик, которая характеризует В. Януковича как члена группы, «своего», в отличие от «чужого» кандидата. При этом 12,9% реплик характеризуют В.

¹⁰ Пшизова С.Н. «Традиционные» демократические институты и российская практика финансирования политического рынка // Куда идет Россия?..Формальные институты и реальное практики / Под общ.ред Т.И.Заславской. -М.: МВШСЭН, 2002. С.36; Пшизова С.Н. Финансирование политического рынка: теоретические аспекты политических проблем // Полис. 2002. № 2. С.76.

Януковича как «своего» по принадлежности к своему региону, городу. Еще 4% – дают ему эту характеристику по принадлежности к соответствующей социальной группе: «он из рабочих», «из пенсионеров», «из народа» и т.д.

Остальные 7,3% реплик описывают личные впечатления («человека сильно облили грязью» и т.п.), убеждения, случаи получения конкретной помощи от имени кандидата и т. д.

Если рассматривать Украину в целом, то президентская кампания 2004 года продемонстрировала соединение элементов национально-государственной и региональной идентичности. Действенность последней усиливается тем, что в стране еще далеко не завершен процесс формирования идентичности национально-государственной, а также наличием в Украине глубоких электоральных и социальных расколов, которые политики в своих целях используют и углубляют во время предвыборных кампаний. Между тем существование в Украине региональной автаркии усложняет процесс поиска общенационального лидера, который бы отвечал ожиданиям всего населения. Данные проблемы остались актуальными в Украине и отчасти углубились вследствие политической кампании 2006 года.

Все вышеизложенное не имеет целью продемонстрировать «особость», «уникальность» или «неповторимость» Донбасса. Мы лишь хотели сказать, что в политически и социально разнородной Украине недопустимы утверждения о «зомбированности» тех, кто голосует не так, как ожидалось. Все мы разные и каждый из нас имеет право на уважение и на собственный выбор. И еще: главное, что связывает нас воедино, – толерантное отношение к людям (как в 2004, так и в 2006 годах образ «другого», т.е. представителя другой электоральной группы, другого региона, в целом размещался на позитивной стороне шкалы), ощущение единой судьбы и стремление к взаимопониманию. Так, в июле 2006 года 73% населения Украины не считали различия между Восточной и Западной Украиной существенными или имеющими цивилизационный характер, к тому же 62,5% населения Украины считает, что существующий конфликт исходит не от общества, не от рядовых граждан Украины, а связан с противостоянием бизнес-элит или противоборством России и США за влияние в Украине¹¹.

¹¹ Грицак Я. Про відповідальність...

Да, мы разные, и избирательный процесс 2004-2006 годов помог нам осознать многое в наших внутренних отношениях, признать и отчасти принять эту разницу, а также, надеюсь, понять, что в Украине возможен только путь компромиссов, поскольку в чистом виде каждый из политических сценариев, предлагаемых сторонами, представляющими ту или иную часть Украины, обречен на провал.

Михеева О. Не все так просто с теми украинцами // Отечественные записки. – 2007. – № 34 (1). – С. 97-106.